

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ГОРОДА ЭПОХИ КЛАССИЦИЗМА

(НА ПРИМЕРЕ ЧЕЧЕРСКА –
РЕЗИДЕНЦИИ ГРАФА З.Г. ЧЕРНЫШЕВА)

Юрий Чантурия

Одно из важнейших исторических событий 2-й половины XVIII в. – включение территории современной Беларуси в Российскую империю в результате трех разделов Речи Посполитой. Как известно, Речь Посполитая, состоявшая из Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, была разделена между Россией, Германией и Австро-Венгрией в 1772, 1793 и 1795 гг. Территория Великого Княжества Литовского, в которое в середине XVIII в. в основном входили белорусские и литовские, а также небольшие части современных русских, польских, латвийских и украинских земель, отошла к Российскому государству. Это событие стимулировало развитие экономики, вызвало вовлечение присоединенных регионов в общероссийский рынок, сложение их торговых отношений с другими частями страны и укрепление местных производственных связей. Социально-экономические сдвиги вызвали рост населения и развитие городов.

Значительно расширилась деятельность по реконструкции поселений, проводившаяся Комиссией о каменном строении городов Санкт-Петербурга и Москвы, существовавшей в 1762–1796 гг. Первоначально ее возглавлял президент Академии художеств И.И. Бецкой, затем, до 1774 г., граф З.Г. Чернышев, назначенный генерал-губернатором присоединенного края [4, с. 423; 20, с. 75]. В комиссии работали выдающиеся русские зодчие: А.В. Квасов (1764–1772 гг.), И.Е. Старов (1773–1774 гг.), профессор Академии художеств А.А. Иванов (с 1774 г.), позже – И. Лем, автор труда «Теоретические и практические предложения о гражданской архитектуре» [7, с. 114].

Городские поселения разделялись на казенные и частновладельческие. Екатерина II жаловала русским вельможам земли католических и униатских монастырей, бывшие королев-

ские земли, а также владения, конфискованные у шляхты, эмигрировавшей после раздела страны. Многие города и местечки перешли в собственность дворян: Кобрин – А.В. Суворова, Гомель и Гомельское староство – П.А. Румянцева, Кричев со староством – Г.А. Потемкина, Шклов – также Г.А. Потемкина, а затем С.Г. Зорича, Пропойск – А.М. Голицына, Чечерск со староством и Жлобин – З.Г. Чернышева [7, с. 115]. Это обстоятельство повлияло на особенности функциональной организации и композиции поселений. Граф З.Г. Чернышев владел имениями и в других частях империи.

В отношении реконструкции частновладельческих городов, отошедших к просвещенным вельможам русского императорского двора, принято считать, что их перепланировка по принципам регулярности стала результатом совместного творчества владельца-заказчика и профессионала-архитектора, проектировавшего застройку имения. Кроме того, во владельческих поселениях наглядно проявилась общая для 2-й половины XVIII в. тенденция организации различных видов мануфактурных производств, что послужило важным фактором градообразования. Владельцы вотчинных городов проводили политику экономического развития присоединенного края. В Кричеве построены судовой верфь, парусная и канатная фабрики, в Шклове – стекольная, суконная, кожевенная и часовая мануфактуры. В Чечерске существовала стекольная мануфактура, где в конце XVIII в. работали 30 человек, а уже в середине XIX в. – вдвое больше [5, с. 59–61].

Последняя четверть XVIII и 1-я половина XIX в. – эпоха широкого распространения просветительских идей, развития культуры, образования и науки. Процесс просвещения во многом явился заслугой именно крупных меценатов, владевших поселениями и большими земельными угодья-

ми, ориентировавшихся на организацию образцовых в социальном и культурном отношении имений. Например, в 1814 г. Н.П. Румянцевым в Гомеле создан центр археологических исследований, где работали известные ученые [20, с. 84].

Как и проектирование городов во всей Российской империи, создание в белорусских губерниях монументальных градостроительных образований с протяженными просторными проспектами, системами площадей, широким применением осевых композиций и масштабным радикализмом было идейно-стилистически связано с французским классицизмом. Во многом это обусловилось официально поддерживаемой ориентацией на французскую философию эпохи Просвещения, известностью шедевров классицистического градостроения этой страны, обучением в Париже русских архитекторов.

Однако петербургские зодчие Комиссии о каменном строении..., оперируя местным архитектурным материалом, выработали в русле формообразования классицизма ретроспективно-традиционалистские подходы, в рамках нового градостроительного мышления заложили черты регионального своеобразия поселений. Направления творческого поиска были проникнуты романтизмом. При этом увлечение средневековыми планировочными мотивами – иррегулярными или правильными, «готическими», а также ренессансными происходило в общем контексте архитектурного развития России. «Просветительские мысли об идейном насыщении зодчества, стремлении сделать его «говорящим» приняли при дворе Екатерины II первоначально наиболее легко воспринимавшуюся форму – увлечение архитектурной экзотикой... Просвещение в русской культуре Екатерининской эпохи началось с «игры», с создания «занимательной» и «возбуждающей» архитектурной среды» [21, с. 92]. Как связанные явления следует рассматривать формирование планировочных структур в духе средневековья и ложную готику в дворцовой архитектуре.

Романтические тенденции в планировке городов белорусских губерний, проектируемых в образ готиче-

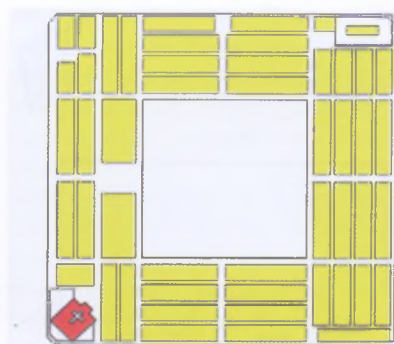

Рис. 1. Идеальный город А. Дюрера 1527 г. (по материалам Т. Шафера)

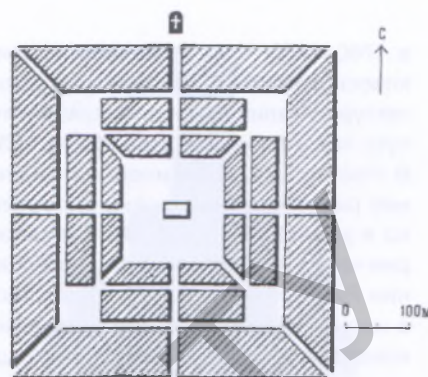

Рис. 2. Проект Фрамполя 1705 г. (по статье Т. Шафера)

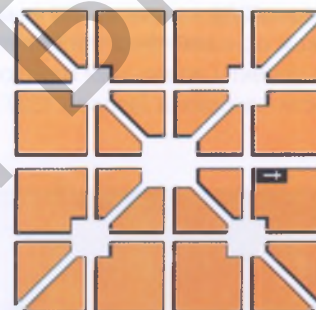
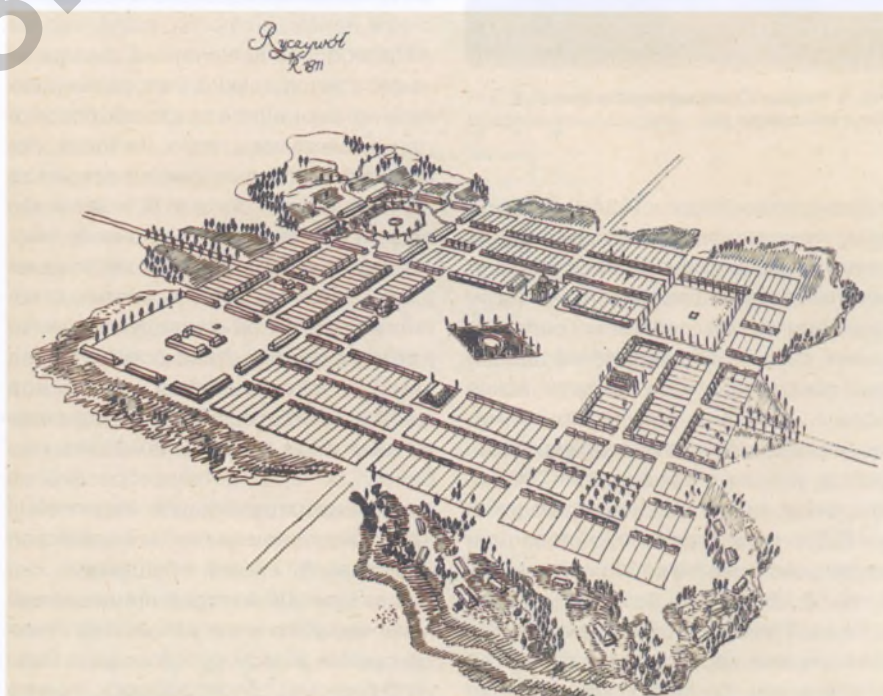

Рис. 3. Проект Генрихемонта 1608 г. (по материалам Т. Шафера)

Рис. 4. Реконструкция перспективного вида Рычивула на основе проекта планировки города 1811 г. Ю. Садковского (по статье Т. Шафера)

ских и ренессансных композиций, по своему программному смыслу расширения возможностей зодчества хорошо корреспондировались с опытом В.И. Баженова по синтезу готических, средневековых восточных и русских объемно-пластических стиливых приемов. Их «...смесь... стала популярной и быстро распространилась по стране, являясь попыткой создания универсального аллегорического архитектурного языка» [21, с. 92].

Использование наследия Возрождения в классицистическом градостроительстве было свойственно не только русской художественной культуре, распространившейся на белорусских землях, – оно характерно и для других стран. На раннем этапе развития

в 1760–1770 гг. западноевропейский классицизм ориентировался на архитектуру Италии – как римскую античную, так и ренессансную [15, с. 103]. В России же политическое значение римских реминисценций состояло в утверждении достоинства империи через преемственность в отношении Рима. Романофилия проявилась в иконографической программе реконструкции центра Петербурга, где создание Дворцовой и Сенатской площадей восходит к римским форумам, а Казанский и Исаакиевский соборы ориентируются на собор св. Петра [15, с. 103].

В Польше XVIII – начала XIX в. генетической основой ряда поселений служили проекты идеальных городов, в частности Альбрехта Дюрера 1527 г.

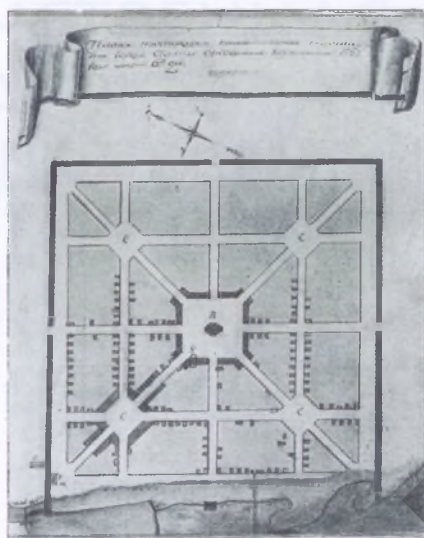

Рис. 5. Проект г. Семенова 1781 г. (по монографии В. Шкварикова)

онная специфика сближает планировку Чечерска с проектами французского города Генрихемонта 1608 г. и немецкого Ансбаха 1685 г. Наблюдаются также черты единства с классицистическими планами польских и русских городов (Рычивул по предложениям Ю. Садковского 1811 г. и Т. Вернека 1813 г., Семенов Нижегородской губернии 1781 г.) [23, с. 62–66, 70, 71; 22, с. 179]. Указанные примеры свидетельствуют об общеевропейском контексте эволюции ренессансных принципов создания идеального города.

Первоосновой Чечерска был детинец X в. площадью 0,5 га, размещенный на оконечности клинообразного надпойменного плато, на холме, поблизости от слияния рек Чечеры и Сожа. Окольный город в XI в. занимал около 2 га. Первое упоминание в летописи о Чечерске, в XII–XIII вв. входившем в Черниговское княжество, относится к 1159 г. В последующие столетия на месте детинца существовал замок, возвышавшийся над поймой на 14 м, а со стороны приступа окруженный рвом шириной 20–25 м и глубиной 7 м. Через него перебрасывался мост к надвратной башне. Укрепления замка включали также земляной вал с деревянной стеной и башнями.

В начале XVI в. город принадлежал жене великого князя литовского Александра I и дочери русского царя Ивана III Елене. С 1510 г. Чечерск – центр

староства, который обладал правом самоуправления. С 1621 г. находился во владении Сапегов. Источники за 1682 г. предоставляют сведения о замке, где насчитывалось восемь башен. В 1726 г. деревянная проезжая башня замка имела два этажа, а по инвентарю 1763 г. была трехэтажной и завершалась куполом. В XVI–XVIII вв. примыкавшая к замку застроенная территория была обнесена стеной с Великой и Подольной брами. Возможно, учитывая клиновидные очертания плато, планировочная сеть имела веерно-дуговой характер. В инвентаре 1726 г. приведено типичное описание улиц средневековой структуры.

1. Улица от Замковой браны (т.е. проезжей башни замка. – Ю.Ч.) до Великой браны; здесь находились костел св. Троицы, 11 домов христианских, 5 еврейских, 2 дома священника Николаевской церкви, корчма... на рынке и 3 лавки.

2. Улица от церкви св. Спаса до острога с 16 домами христианскими и одним – священника Спасского церкви.

3. Улица от Подольной браны с 26 домами христианскими и двумя – священников Пречистенской церкви.

4. Улица от Пречистенской церкви до еврейской школы с 9 христианскими домами и земельным участком еврейской школы.

5. Улица от Никольской до Воскресенской церкви с 11 христианскими домами, двумя участками священников этих церквей и одним свободным участком.

6. Улица около острога с 25 домами христиан.

7. Улица «Новые плацы» за острогом; здесь находилось 10 домов христианских... [17, с. 153].

В 1774 г. город (с 1777 г. – местечко), как упоминалось, пожалован Екатериной II первому наместнику края генерал-губернатору, фельдмаршалу, графу Захару Григорьевичу Чернышеву. Граф был известным военачальником, в течение нескольких лет – главой военного ведомства Российской империи, а впоследствии – губернатором Москвы.

Появление нового владельца послужило причиной развития в Чечерске градостроительной деятельности. Поселение было коренным образом перепланировано с формировани-

Рис. 6. Ратуша. Современное состояние. Вид с юго-запада

и Джироламо Маджи 1534 г. Последнему принадлежит композиционная схема квадратного в плане укрепленного поселения, расчлененного магистральями по диагоналям и крестообразно, с большой квадратной площадью посередине. Эта теоретическая модель, дополненная четырьмя малыми площадями на диагоналях квадрата и улицами, параллельными его сторонам, явилась основой создания в 1705 г. ренессансноподобного плана польского местечка Фрамполь [23, с. 49–52, 68, 69].

План Фрамполя обнаруживает существенное формальное сходство с Чечерском. Кроме того, композици-

ем прямоугольной системы улиц. Построены дворец графа на месте замка (1787 г.), ратуша на главной площади (1780 г.), церкви Преображения Спаса (1780-е гг.), Вознесения Господня (1783 г.) и Рождества Богородицы (1787 г.), а также новый костел св. Троицы (1784 г.) на месте старого. Была устроена пристань; существовали приходское училище, больница, аптека и иезуитская богадельня, содержавшаяся на пожертвования графа. Позже на средства графини А.Р. Чернышевой открыт женский пансион [6, кн. 2; с. 123]. Кроме того, З.Г. Чернышев основал здесь театр и оркестр, в работе которых участвовали крепостные крестьяне.

Известным фактом является принадлежность З.Г. Чернышева к религиозно-философскому обществу масонов, возникшему в Средние века в Западной Европе, а позже распространившему сеть своих лож и в России [11, с. 191]. Возможно, благодаря масонской символической идейности граф оказал творческое влияние на процессы создания планировочной структуры и монументальной застройки города-резиденции.

В исследованиях Чечерска, выполненных ранее, отмечена общая идея градостроительной структуры и особенности архитектуры важнейших сооружений в последней четверти XVIII в. Приведены реконструкции планировки города, которые в значительной степени устанавливают очертания улиц и площадей, места основных зданий, однако характеризуются некоторой условностью и отсутствием детализации [8, с. 10; 20, с. 78]. Учитывая ценность пространственного построения города как целостного проявления эстетики классицизма, автором настоящей статьи разработана графически точная реконструкция планировки Чечерска на конец XVIII в., выявлены ее метрологические и формальные свойства, а также заложенные в генеральный план принципы организации видовых картин.

Основой реконструкции служили: письменные источники; схематичное изображение плана Чечерска 1915 г. (Национальный исторический архив Беларуси, фонд 3030, опись 1, дело 20, лист 1. «План местечка Чечерска, Аннопольского и Захарпольского

фольварков, урочища Тростенец и заливных сенокосов по реке Сож, Могилевской губернии, Рогачевского уезда... именина Ее сиятельства графини Софии Иппол. Чернышевой-Безобразовой. Составл. в 1915 году»); современная геодезическая съемка территории (М 1:5000, 1:2000, 1:1000, 1:500); историко-архитектурный опорный план города и материалы фотофиксации [9]; планы утраченных и сохранившихся построек; планы других малых городов Могилевской губернии конца XVIII – начала XIX в., учтенные в качестве аналогов формообразования.

К настоящему времени классицистическая планировка Чечерска сохранилась плохо. На отдельных участках утрачена квартальная структура, некоторые улицы расширены, линии застройки существенно изменились. Территория бывшей торговой площади на три четверти застроена, остальная часть используется как центральная городская площадь. Из сооружений периода классицизма сохранились только ратуша и Преображенская церковь.

Специфика классицистической структуры обусловилась клиновидной формой плато, мыс которого фиксировался замковым холмом, а кромок с почти правильными очертаниями сходились под углом 90°. Основная часть города представляла собой прямоугольник со скошенными углами размером 332х274 саженей и распленилась в меридиональном направлении пятью улицами, а в широтном – шестью. Посередине, на месте четырех кварталов, создана площадь огромных для малого поселения размеров – 142х138 саж. (302,5х294 м, 1 русская сажень = 2,13 м). Центр ее занимала ратуша с центрическим ступенчатым объемом и одинаковыми фасадами. Документально не установлено, выполняло ли это здание функцию, для которой первоначально предназначалось. В 1863 г. в нем находилась сельская школа, в 1884 г. – аптека [6, с. 124].

По периметру площади симметрично стояли Г-образные корпуса торговых рядов, включавшие 76 лавок [5]. Величина площади свидетельствовала о претенциозности и больших материальных возможностях владельца именина, профессионализме зодчего,

Рис. 7. Ратуша. Вариант архитектурного решения южного фасада

Рис. 8. Церковь Преображения Спаса. Современное состояние. Вид с юга

предпринявшего попытку организовать объемами столь обширное архитектурное пространство. Форум превосходил в размерах периметра даже такие уникальные ансамбли, как Театральная площадь в Москве (265х177 м), площади св. Петра в Риме и Согласия в Париже [4, с. 462].

Градоформирующее значение принадлежало двум планировочным осям, которые фиксировались улицами и образовали крест с ратушей посередине. На северной оконечности главной, меридиональной оси на месте детинца размещался дворец З.Г. Чернышева. Эта ось фланкировалась двумя парами культовых доминант, имевших ком-

позицию в виде ротонды с куполом и притвором. При въезде в город с юга два храма были симметрично удалены от оси на расстояние квартала и находились на малых квадратных площадях. Интервал между другими двумя доминантами на квадратной площади вблизи дворца был значительно уменьшен так, что они создали перед ним своеобразные пропилены.

Анализ планировки позволил установить, что все улицы спроектированы шириной 10 саж., равной протяженности фасада главного городского здания – ратуши. Кварталы также имели одинаковую ширину – 54 саж., а длину их в направлении с юга на север

1:1,029. Такой прием в разных проявлениях известен в градостроительном искусстве. Например, отношение длины и ширины рыночной площади средневекового Львова приближалось к $2:\sqrt{5}$ [12, с. 137].

Протяженность фасада ратуши трактовалась как планировочный модуль, заложенный в ширину улиц и в длину стороны трех одинаковых квадратных культовых площадей, равную утроенному модулю. Оригинальным приемом служил поворот сторон площадей перед Преображенской и Вознесенской церквами на 45° . Также под 45° скошены два угла городского плана. Очевидно, в видении автора плани-

пы модульности и общности размеров отдельных компонентов планировки дополнялись кратностью 2 саж. всех достоверно известных размеров членения территории. Этому соответствовали и размеры в плане основных сооружений. Ширины всех храмов составляли 8 саж. Такой же интервал был между плоскостью стены главного фасада и поперечной осью ротонды Троицкого костела и Рождественской церкви.

В конце XVIII в. городская структура включала элементы природного ландшафта. Регулярные липовые аллеи, устроенные по периметру площади и вдоль улиц [6, с. 124], усиливали прямолинейность видовых перспектив, подчеркивали организующее планировочное начало. По контрасту с ними со стороны наиболее живописного склона к р. Чечере по инициативе З.Г. Чернышева был посажен парк пейзажного типа, примкнувший к городу с северо-востока.

Размещение Чечерска на высоком плато, равнинная местность, малые размеры местечка, одноэтажная массовая застройка обусловили эффективную роль высотных архитектурных доминант. Их размещение в плане поселения подчинялось лаконичной идее: Преображенский и Троицкий храмы с запада от главной планировочной оси и церкви Вознесенская и Рождества Богородицы с востока определяли умозрительные прямые, ориентированные на резиденцию графа. Дворец фиксировал вершину угла, на сторонах которого лежали культовые сооружения, а на биссектрисе – ратуша. Кроме того, храмы находились на окружности, центром которой служила середина главного фасада здания магистрата, обращенного на юг, в сторону основного подъезда от Гомеля.

Ратуша в стиле классицизма носила черты ложной готики и имела пять деревянных башен – четыре малых по углам и высокую центральную на кубообразном объеме второго яруса здания. Высказывается предположение, что проект ратуши мог принадлежать другу семьи Чернышевых В.И. Баженову, в пользу чего отмечается сходство композиционной схемы здания с первоначальным проектом церкви в селе Быково, который выполнен вы-

Рис. 9. Церковь Рождества Богородицы. Вид с запада. Фото начала XX в. (из фондов Чечерского краеведческого музея)

Рис. 10. Костел св. Троицы. Вид с востока. Фото начала XX в. (из фондов Чечерского краеведческого музея)

варьировалась: 56, 54, 56, 56 и 42 саж. Так, система прямоугольных ячеек была лишена свойственного некоторым городам однообразия, а уменьшение длины квартала до 42 саж. при приближении к дворцу и пропилям в виде двух храмов представляется композиционно оправданным. Расстояние между доминантами также составляло 42 саж.

Мастерское придание живописных качеств планировочной композиции, основанной на ортогональных формах, выразилось и в применении приема «живого» квадрата главной площади, имеющей близкие между собой размеры сторон с отношением

ровочного решения это логично обусловилось схождением кромок надпойменной террасы под прямым углом. Художественная обоснованность и взаимосвязь элементов пространственной композиции проявились и в ориентации на дворец коротких улиц на указанных углах городского плана.

Модулю равнялась длина Преображенского и Вознесенского храмов, фасадные проекции которых точно вписывались в ширину подводящих к площадям меридиональных улиц. Расстояние в один модуль было между северной периферийной улицей и продольными осями Рождественской церкви и Троицкого костела. Принци-

дающимся зодчим [8, с. 9]. Известно, что фельдмаршал покровительствовал художникам и ученым, являясь также почетным членом Российской академии наук.

В основу композиции всех четырех чечерских храмов положена монументальная ротонда, перекрытая большим куполом, который в Рождественской церкви и Троицком костеле венчался малым куполом на барабане. В этих же храмах притвор был украшен четырехколонным портиком и двумя башнями, завершенными небольшими куполами в костеле и высокими шпилями в церкви. В Российском государственном историческом архиве (ф. 822, оп. 12, д. 2911, с. 217–230) хранится «Опись Чечерского римско-католического приходского костела и разного имущества, принадлежащего оному, в Могилевской губ. Рогачевского уезда местечке Чечерск Гомельского деканата (с 1 января 1851 г. по 1 января 1856 г., за 5 лет)». В документе приводятся данные об архитектуре здания с указанием основных размеров.

В церкви Преображения в настоящее время притвор увенчан башней с куполом. Возможно, Вознесенский храм имел аналогичную композицию. Считается, что авторство Преображенской церкви принадлежит Дж. Кваренги. Выдающийся архитектор в своем автобиографическом письме к Маркези называет выстроенные к 1785 г. или строящиеся сооружения в столице, Москве и провинции: «...Для разных частных господ я исполнил еще следующие проекты: графу Чернышеву круглую церковь для его деревни...» [14, с. 63].

Предположительно, дворец графа имел силуэт, родственный вышерассмотренным архитектурным формам. Ансамблевость силуэта всего города основывалась на мощной купольной теме, сочетающейся с композиционной доминантой – трапециевидным шатром ратуши. Эта главная формальная система дополнялась многоэлементной подсистемой меньшего масштаба – башнями храмов, завершенными куполами и шпилями, малыми куполами на барабанах над основными куполами храмов, малыми башнями ратуши, также увенчанными шпилями.

Город в целом был трактован как парадная, репрезентативная композиция,

раскрывающая свои свойства в процессе движения к дворцу. Гипотеза о решении градостроительными средствами экспозиционных, зрелищных задач, специальном построении продуманно чередующихся видовых картин, предназначенных для торжественных процессий, корреспондируется с фактами посещения Чечерска членами царской семьи, вовлечения этого поселения в сферу светской жизни.

В 1802 г., очевидно, в результате перестройки дворца 1787 г., сооружена огромная резиденция графини А.Р. Чернышевой, вдовы графа и крестной матери императора Александра I. Вознесенский храм служил ей домовою церковью. Как и ратуша, дворец был выполнен в формах псевдоготики и имел полукруглую конфигурацию плана [5, с. 59–61; 6, кн. 2, с. 123, 124; 18, с. 573]. Здание окру-

жалось ровом, наполненным водой из р. Чечеры. Через него с южной стороны был перекинут подъемный мост на цепях [5, с. 59–61]. Вблизи замковой горы на реке находились запруды, где разводилась рыба.

В 1781 г. местечко посетил великий князь Павел Петрович с супругой. Во время высочайшего путешествия 1787 г. императрица Екатерина II изволила гостить во дворце, тогда уже, как и все поселение, принадлежавшем штатс-даме, графине А.Р. Чернышевой. Государыня присутствовала также при освящении церкви Рождества Богородицы. 1850 г. отмечен приездом Николая I с наследником Александром Николаевичем, 1857 г. – Александра II с супругой [2, с. 215, 216; 18, с. 573]. На башне ратуши был устроен специальный дозор для оповещения о приезде гостей [5, с. 60].

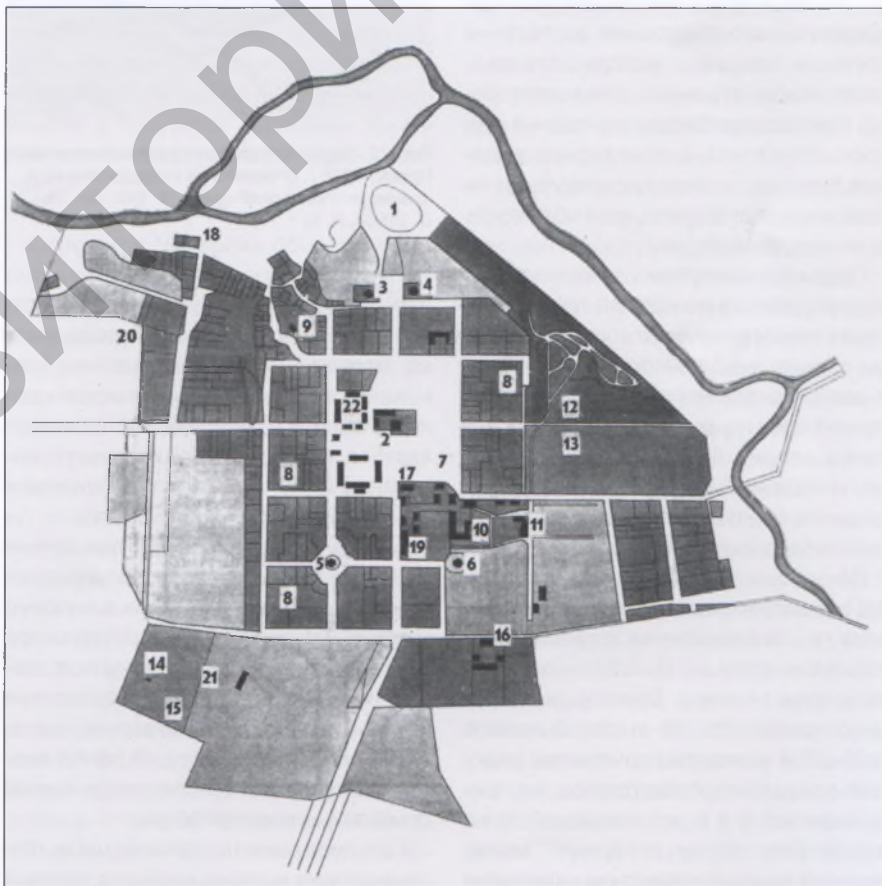

Рис. 11. План Чечерска 1915 г. Реконструкция Ю. Чантурия, Г. Шарого:
1 – территория замка; 2 – ратуша, позже – народное училище; 3 – костел св. Троицы;
4 – церковь Рождества Богородицы; 5 – церковь Преображения Спаса; 6 – церковь Вознесения Господня; 7 – площадь; 8 – кварталы жилой застройки; 9 – синагога; 10 – винокурный завод; 11 – городской дворец; 12 – парк; 13 – сад; 14 – церковь; 15 – кладбище; 16 – конюшня; 17 – почта и телеграф; 18 – мельница; 19 – гимназия; 20 – Захарпольская слобода; 21 – территория больницы; 22 – волостное управление

Анализ особенностей восприятия городской среды позволяет заключить, что автором проекта были задуманы эффектные, монументальные по образу видовые картины. Свойственные эстетике классицизма методы их создания – наличие главного направления восприятия по оси симметрии градостроительного объекта, анфиладность пространств, формирование системы узловых, наиболее впечатляющих зрительных точек – в данной ситуации способствовали оригинальному художественному результату. Он заключался в возможности единовременного обозрения достаточно крупным планом с небольшого расстояния всех объемных доминант города. Как взаимосвязанные звенья они проецировались в компактную видовую картину, иллюстрирующую единство и многообразие, ансамблевость архитектурных форм.

Подъезд к местечку с юго-запада осуществлялся по прямой трассе, которая при пересечении городской черты, закреплённой декоративным валом и рвом, меняла направление, получая ориентацию на здание магистрата. Эта точка излома А, находящаяся также на поперечной периферийной улице, служила начальным узловым пунктом организованного восприятия.

Во-первых, перед зрителем неожиданно возникала перспектива проспекта, завершённая ступенчатым объемом ратуши (высота здания – 30 м, или 14 саж.). Во-вторых, в связи со значительной высотой храмов в 25–27 м и низким горизонтом рядовой одноэтажной застройки, не превышающей 5–6 м, из указанной точки в пространственных интервалах между жилыми домами и поверх крыш открывалась симметричная панорама архитектурных доминант. Ее фланги фиксировали наиболее приближенные к зрителю Преображенский и Вознесенский храмы. Центральное место в панораме закономерно занимало глав-

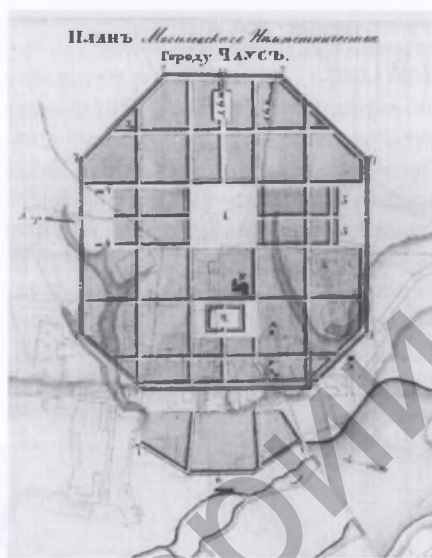

Рис. 12. Чаусы Могилевского наместничества. Проект 1778 г. (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 21564. Л. 8)

ное городское сооружение – магистрат, а по обе стороны, композиционно тяготея к нему, возвышались Троицкий костел и Рождественская церковь. Вместе с ратушей они формировали сложную, многообразную по сочетанию лаконичных форм и близкую к симметричной силуэтную группу.

Анализ горизонтальных углов зрения на плане показывает, что фланкирующие доминанты включались в видовую картину из данной точки, находясь под относительно небольшим углом, немалым превышавшим 90°, а остальные высотные объемы зрительно не накладывались друг на друга. Эффект восприятия усиливался благодаря южной ориентации всей панорамы.

При движении по главной магистрали к ратуше и далее к дворцу узловой точкой Б являлся перекресток с поперечной улицей, объединяющей Преображенскую и Вознесенскую церкви. Из этой точки одновременно в трех направлениях обозревались уличные перспективы, завершённые верти-

кальными акцентами. Третья узловая точка В отмечала выход в пространство рыночной площади, в связи с чем ратуша, постоянно видимая в рамках застроенных сторон центрального проспекта, неожиданно открывалась как островной объем среди огромного пространства форума.

Следует отметить, что позже, во 2-й половине XIX в., начался стихийный процесс частичной застройки территории площади группами лавок. Это, с одной стороны, свидетельствовало о гипертрофированных размерах главного форума, несоответствия «идеальной» классицистической планировки реальным условиям жизни местечка, с другой – о характерных для указанного времени во всех регионах чертах упадка градостроительной культуры, тенденции хаотичности частной застройки.

Примечательно, что в конце XVIII в. третья узловая точка фиксировала также положение, когда объемы ратуши и стоящих на дальнем плане Троицкого и Рождественского храмов начинают восприниматься слитно, соприкасаясь силуэтами и проецируясь в единый массив. Точно посередине между ней и главным фасадом ратуши находилась такая видовая точка Г, из которой объем здания магистрата начинал полностью визуальнo перекрывать указанные храмы.

С другой стороны ратуши аналогичная видовая точка Д, из которой в случае движения в обратном направлении ее объем начинал зрительно заслонять Преображенскую и Вознесенскую церкви, находилась от здания магистрата на удалении в один модуль. Кроме того, точка Г размещалась от планировочного центра ратуши на расстоянии, равном ее удвоенной высоте. Соответственно вертикальный угол, под которым сооружение обозревалось из этой точки, являлся наилучшим для восприятия и составлял 27°. Оптимальность такого угла, предель-

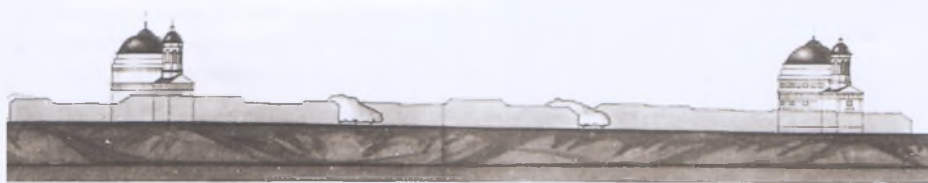

Рис. 13. Вид Чечерска с северо-запада в 1-й половине XIX в. Реконструкция Ю. Чантурия, С. Самбука, Е. Стальмошенко (архитектурный облик дворца представлен гипотетически)

ного для одновременного обозрения объема целиком и допускающего хорошую различимость деталей, отмечена многими исследователями [1, с. 70; 3, с. 51; 10, с. 99; 16, с. 32, 44].

Движение по главному проспекту к дворцу, сопровождавшееся серией впечатлений от градостроительных форм, было лишено ортодоксального «коридорного» характера, сквозного прохождения всей городской структуры. Зритель неизбежно огibal ратушу; тем самым придавалось разнообразие условиям восприятия архитектурной среды в процессе движения по протяженной планировочной оси.

Шестая узловая точка Е фиксировала неожиданное появление в завершении перспективы улицы дворца как нового ориентира движения. Эта точка нанесена приблизительно, так как возвращение на планировочную ось после обхода или объезда здания магистрата могло быть ближе или дальше от него. Седьмым этапным пунктом был выход в пространство культовой площади с визуальным раскрытием церкви Рождества Богородицы и костела св. Троицы. При этом из указанной точки Ж храмы обозревались с угла, в наиболее эффектно для понимания форм сооружения ракурсе.

Рассматривая восприятие в обратном направлении, с севера на юг, следует отметить лучшую видовую точку в городе З на площадке перед главным фасадом дворца, откуда открывалась выдающаяся в художественном отношении панорама архитектурных доминант. Ее особенность в отличие от видовой картины из точки А – меньший горизонтальный угол обозрения крайних объектов (52°), что определяло компактную группировку архитектурных масс и более целостное их восприятие. Зрительно объемы не накладывались друг на друга и образовывали композицию: по краям панорамы, размещенные относительно близко к зрителю под вертикальным уг-

лом 10° – Троицкий и Рождественский храмы, в центре – ратуша, а по обе стороны, заполняя пространство между ней и названными храмами, – Преображенская и Вознесенская церкви. По другую сторону дворца с высоты Замковой горы открывался великолепный вид на тянущуюся до горизонта пойменную равнину, пейзаж которой оживлялся извилистыми руслами Чечеры и Сожа, протекавших на разном удалении от города.

Таким образом, рассмотрев некоторые особенности восприятия градостроительной композиции, в качестве важных черт можно отметить театральность, выверенную сценостроичность восприятия, а также внезапное раскрытие в процессе движения праздничных по образу архитектурных пейзажей.

Структура Чечерска обнаруживает преемственность общих принципов построения поселений эпохи Возрождения, романтизм творческого метода автора-планировщика, знание им западноевропейских градостроительных приемов и сложившихся в крае местных традиций, преломление последних в русле тенденций историзма. Ярко воплощены признаки ренессансной структуры: симметричная торговоратушная площадь наподобие фому римского поселения на пересечении двух взаимно перпендикулярных композиционных осей – основных магистралей города, перспективы которых замыкаются центрично расположенной на площади доминантой; симметричное примыкание к противоположным сторонам квадратной главной площади трех параллельных улиц, общее число которых составляет двенадцать; пересечение улицами квадрата площади по диагонали.

Кроме того, сравнение с Несвижем как с региональным образцом ренессансного города-крепости конца XVI в. позволяет отметить очевидные черты –

общность масштаба и близкий к квадрату план поселения, прямоугольная планировочная сеть и периферийное положение дворца. Наблюдается также единство следующих качеств:

- квадратная площадь в срединной части городской территории, в своем центре акцентированная ратушей островного положения;
- композиционная схема торговых рядов, разных по масштабу и структуре, но сходных по особенностям конфигурации в виде смыкающихся под прямым углом протяженных корпусов, группирующихся вокруг ратуши;
- принцип размещения высотных доминант – четыре храма по углам четырехугольника и центрично стоящее здание магистрата на пересечении его условных диагоналей;
- трактовка середины главного фасада ратуши как узловой точки, определяющей геометрический порядок пространственного построения города.

Вероятно, творческий метод зодчих классицизма, в частности реализованный на примере Чечерска, предполагал сакрализацию города применением теологической символики. В этом отношении он являлся догматическим продолжением средневековой и ренессансной градостроительной идеологии. Нацеленно использовалось число 12 – одно из «чисел силы», символизирующее Отца, Сына и Святого Духа, снизошедших в видимый мир, равное числу апостолов Иисуса Христа и имеющее много других сакральных значений [19, с. 69, 72]. Кроме того, учитывая античную практику обозначения формами храма категорий времени (12 месяцев года, 3 декады месяца, 24 часа суток) [13, с. 179, 180], можно предположить, что пространство главной площади, сакрализованное двенадцатью отходящими улицами, символизировало вечное, непреходящее время. Три улицы с каждой стороны, строго ориентированные по странам света, могли означать месяцы времен года.

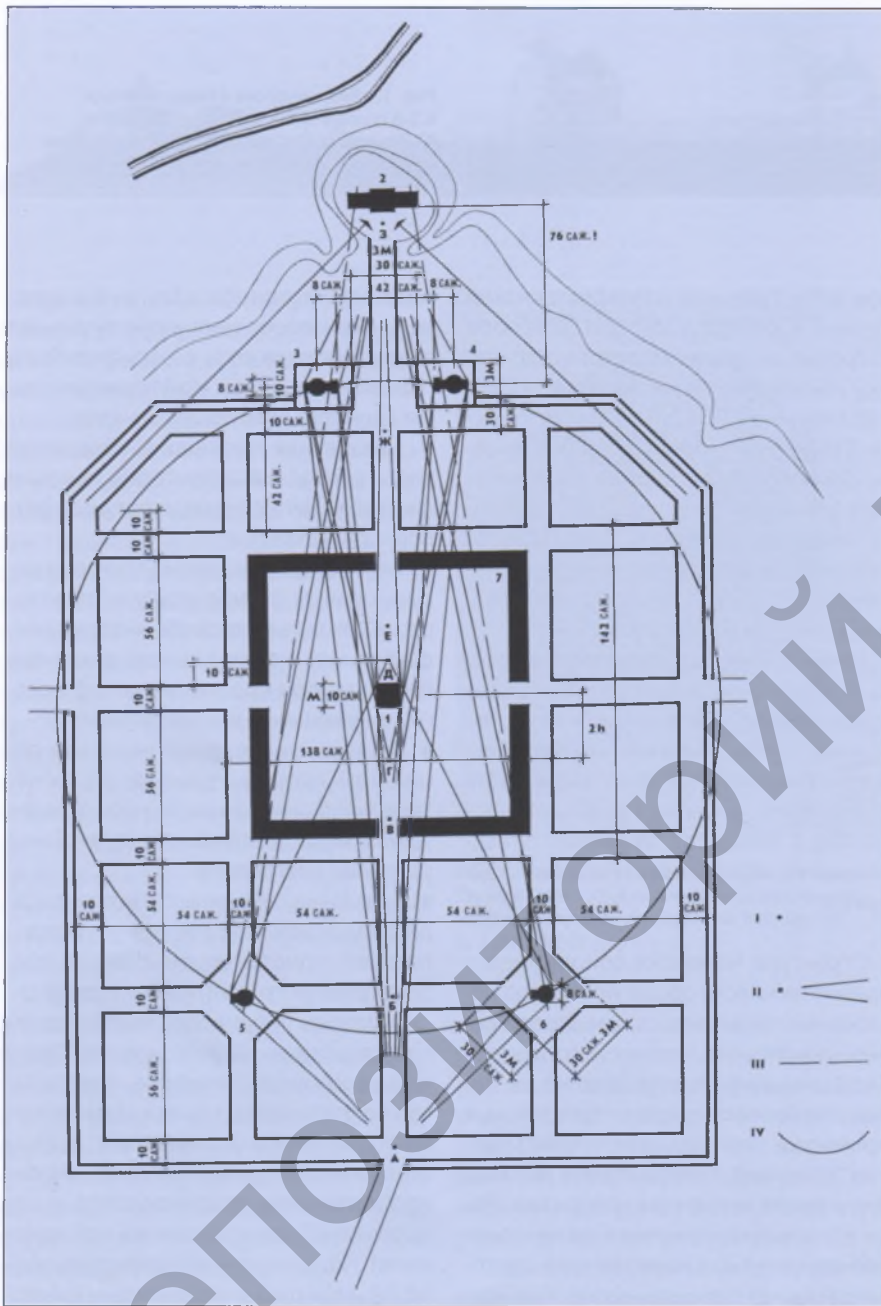

Рис. 14. План Чечерска конца XVIII в. Реконструкция автора. Композиционный анализ:
1 – ратуша, 2 – дворец З.Г. Чернышева, 3 – костел св. Троицы, 4 – церковь Рождества Богородицы,
5 – церковь Преображения Спаса, 6 – церковь Вознесения Господня, 7 – торговые ряды;
I – видовые точки (Б, Е, Ж), II – видовые точки и углы обозрения из них доминант (А, В, Г, Д, З),
III, IV – прямые и окружности, на которых размещены доминанты

Круг – знак вечности – реализовался в геометрической структуризации плана Чечерска подобно вышеупомянутым градостроительным композициям Возрождения. Четыре храма по окружности с центром посередине ратушного фасада служили идейным продолжением идентичного приема в Несвиже, где на одной окружности размещены два храма и три проезжие башни,

а на другой – костел и стратегически важные точки абрисов пяти бастионов.

В итоге исследования композиционных особенностей Чечерска отдельно подчеркнем, что романтическая содержательность пространственной организации этого поселения наравне с другими качествами подтверждает высокое профессиональное мастерство и уровень знаний зодчих.

Она свидетельствует о многогранности русского классицистического искусства строительства городов в бывшем Великом Княжестве Литовском, использовании достижений мировой архитектурной мысли и разносторонней преемственности традиций края.

Литература

1. Баранов, Н.Н. Силуэт города. – Л.: Стройиздат, 1980. – 184 с.
2. Без-Корнилович, М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся. – СПб.: Тип. III отделения Собственной Е.И. В. канцелярии, 1855. VIII + 356 с.
3. Бунин, А., Круглова, М. Архитектурная композиция городов. – М.: Акад. архитектуры СССР, 1940. – 240 с.
4. Бунин, А.В., Саваренская, Т.Ф. История градостроительного искусства: В 2 т. 2-е изд. – М.: Стройиздат, 1979. – Т. 1. – 495 с.
5. Ганжын, А. Мясэчка Чачэрс, Гомельскай акругі (геаграфічна-гістарычны нарыс) // Наш край. – 1927. – № 1 (16). – С. 59–61.
6. Дембовецкий, А.С. Опыт описания Могилевской губернии... В 3 кн. – Могилев: Тип. Губ. правл., 1882–1884. – Кн. 1–3.
7. Егоров, Ю.А. Градостроительство Белоруссии. – М.: Гос. изд-во лит. по строит. и архитектуре, 1954. – 284 с.
8. Жаровина, Г.П., Чарняўскі, І.М., Дэмура, І.В. Помнікі Чачэрска. – Минск: Палымя, 1985. – 12 с.
9. Историко-градостроительное обоснование проекта регенерации исторической застройки г. Чечерска: Отчет о НИР / БелНИИП градостроительства; Рук. Ю.В. Чантурия. № ГР 02.90.0025048. – Минск, 1989. – 76 с.
10. Круглова, М.Г. Монументы в архитектуре городов. – М.: Гос. изд-во лит. по строит. и архитектуре, 1952. – 124 с.
11. Матонство в его прошлом и настоящем: В 2 т. / Под ред. С.П. Мельгунова, Н.П. Сидорова: Факсимиле издания 1915 г. – М.: Сп. «Икпа», 1991. – Т. 1.
12. Могилыч, Р.И. К вопросу о планировке Львовского средневежья // Архитектурное наследство: сб. ст. – М.: Architectura, 1992. – Вып. 39. – С. 135–138.
13. Павлов, Н.Л. Архаические представления о пространстве и времени в европейской традиции античного ордера // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад-Восток: архит. ин-т. – М., 1994. – Вып. 3. – С. 178–180.
14. Пилявский, В.И. Джакомо Кваренги: Архитектор. Художник. – Л.: Стройиздат, 1981. – 212 с.
15. Ревзин, Г.И. К проблеме романфильского направления в архитектуре русского ампира: Тезисы // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад-Восток: античная традиция в архитектуре» / ВНИИ теории архит. и градостроительства, Моск. архит. ин-т. – М., 1994. – Вып. 3. – С. 103–106.
16. Рекомендации по составлению проектов планировки городов СССР с историко-архитектурными заповедниками и комплексами памятников архитектуры. – Киев: КиевНИИП градостроительства, 1971. – 138 с.
17. Романов, Е.Р. Чечерск в 1629–1726 гг. // Могилевская старина: сб. статей «Могилевских губернских ведомостей» / Под ред. Е.Р. Романова. – Могилев-Губернский: Тип. Губ. правл., 1901. – Вып. II, 1900 и 1901 гг. – С. 151–156.
18. Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Верхнее Поднепровье и Белоруссия / Под ред. В.П. Семенова. – СПб.: Изд. Девриена, 1905. – Т. 9. IV + 620 с.
19. Символика чисел: сб. тр. / О. Диксон, Р. Шваллер де Любич, Дж. Р. Скиннер. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996. – 288 с.
20. Слюнькова, И.Н. Архитектура городов Верхнего Приднепровья XVII – середины XIX в. – Минск: Наука і тэхніка, 1992. – 144 с.
21. Швидковский, Д.О. Античность и архитектурные вкусы Екатерины II // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад-Восток: античная традиция в архитектуре» / ВНИИ теории архит. и градостр-ва, Моск. архит. ин-т. – М., 1994. – Вып. 3. – С. 92–95.
22. Шквариков, В.А. Очерк истории планировки и застройки русских городов. – М.: Гос. изд-во лит. по строит. и архитектуре, 1954. – 204 с.
23. Szafer, T.P. Ze studiów nad planowaniem miast w Polsce XVIII i poc. XIX w. // Studia z historii budowy miast: Prace Instytutu urbanistyki i architektury. – Warszawa: Budownictwo i architektura, 1955. – R. V. Z. 1/14. – S. 47–81.